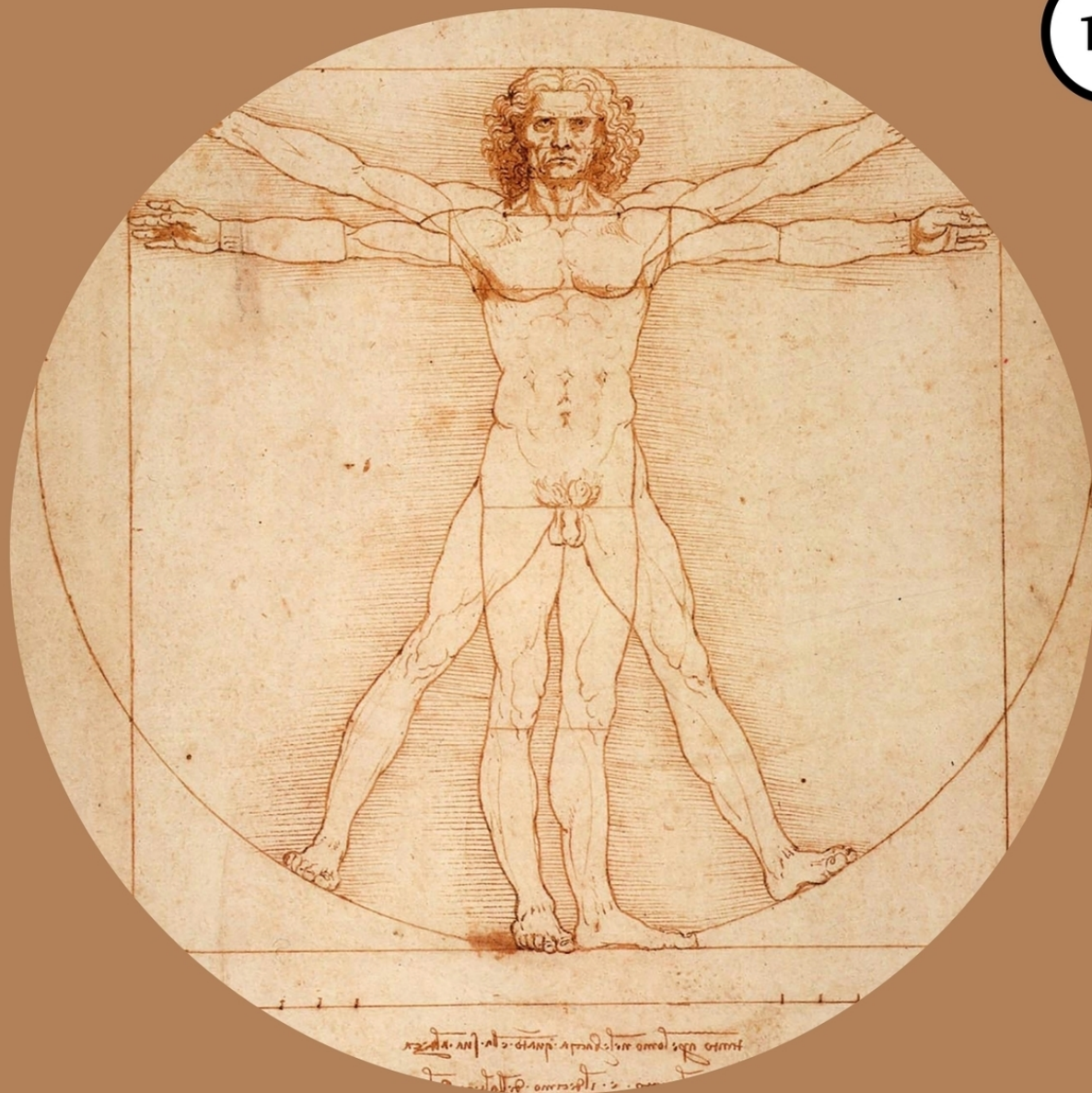

Людмила Худякова

18+

Память

семейная повесть

Людмила Худякова

Память

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Худякова Л. А.

Память / Л. А. Худякова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Это семейная повесть – взгляд в прошлое, о дедушке, которого никогда не видела, но узнала о нём из рассказов родных. Показана жизнь семьи в разрезе жизни страны в 20-30 годы 20 века на Урале во время коллективизации, индустриализации и Великой Отечественной войны. 30 октября теперь уже ежегодно на Мемориале жертв политических репрессий в Екатеринбурге, где было расстреляно 20000 человек во время сталинских репрессий, собираются люди, чтобы отдать долг памяти зачастую безвинно казнённым, позднее реабилитированным людям. Эта семейная повесть об одном из них и о его родных.

© Худякова Л. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Пожар вмиг охватил завалинку, стену спальни и запылал с испепеляющей силой. Вскоре в блеске огня был виден весь ночной проулок. Блики огня засверкали на окнах соседнего дома, где жили Дарья и Лаврентий Ерыкаловы. Они выглянули в окно и вскоре с вёдрами выскочил Лаврентий с сыном Петром, к ним присоединились Степан с сыновьями, встали в шеренгу, набирали воду в соседнем колодце, передавали по цепочке вёдра, лилась вода, но пожар всё усиливался.

С подойником прибежала Агафья, жена Степана, а Дарья с иконой, читая молитвы, стала ходить вокруг своего дома. С вёдрами и подойниками прибежали жители соседних домов, образовали вторую шеренгу, но пожар, смеясь над ними, перекинулся на амбар, за которым находилось хозяйство Ерыкаловых. С иконой прибежал дьяк, но вскоре поставил икону к дереву и тоже включился в работу: стал лопатой набирать землю и кидать на горящие брёвна, одновременно читая молитву. В освещённой огнём тёмной летней ночи деревне Большая Грязнуха царствовали пляшущие языки огня, вырисовывая напряжённые потные лица.

Из сарая выпустили кур с петухом и козу. Куры кудахтали, петух кукарекал, огонь трещал, коза бляла, бабы кричали, что в доме Любка.

– Пьяная опять, верно, если не выскочила.

– Ясно, пьяная. Вечёр, когда ставнями окна закрывала, слыхала голоса, гармонь играла, песню «Сударушку» мужик пел, – частила Агафья.

Окно кухни затрещало, запылало, и из него выпал Семён, очередной хахаль Любки из соседнего села; от него разлило дымом и самогоном, лицо и руки обожжены, рубаха в подпалинах. Женщины облили его водой, стали оказывать помощь. Упала кровля, Любка так и не вышла. Пожар потушили, когда и тушить-то было нечего. Любку не спасли. Труп нашли в сенях под ещё тлевшей балкой.

Но ещё долго у сгоревшей избы толпился народ: одни уходили: ждала утренняя работа после бессонной ночи, другие приходили, услышав о трагедии; отгоняли ребятишек, которые норовили оказаться в первых рядах. Весть о пожаре разнеслась по всем 570 дворам села Карпунинского. В тот же день приехал участковый уполномоченный, следователь и человек в форме пожарного инспектора. Весь день они искали свидетелей преступления, посетили все близлежащие дома, но никто ничего не знал.

Павле Шишиной о пожаре рассказала золовка Надежда, когда они провожали утром коров с пастухом.

– Уснула с Яковом, проснулась с ним, – рассудила Паша. Бог милует. Усвоил обещание, данное деду Михаилу: держаться в стороне от дома Любки.

Пришёл как-то свёкор Михаил Иванович, когда Паша со слёзами на глазах трёхмесячную Зою кормила.

Не сразу выговорилась, но дед уже знал от дочери Надьки, что сын-гуляка ночи проводит с Любкой и её пьяной компанией, а у Паши молоко грудное пополам с горячими слезами.

– Не реви, – буркнул, глядя в лицо малютки. На Якова как похожа. Глаза карие, тёмные волосики и сосёт, жадно приложившись к груди матери, а губёшки тоже аккуратные, вся в батьку. А тот не в меня, в жену.

У Михаила, что не год, жена Мария рожала детей, двенадцать их было, но в живых к этому времени осталось пятеро. Кто на войне сгинул, кто от болезни, Потапа смерть достала, когда в зелёных был, Афанасий вернулся после госпиталя больным. Все дети, кроме Якова, в него, крепкие, среднего роста, ширококостные. Яков же в мать чернявый, худощавый, ниже братьев. Любил пофорситься, одеться во всё новое и чистое, прогуляться с парнями по селу, хотя и учение было, и книг много прочёл, в Петрограде закончил курсы парикмахеров. Женился на красавице Марье из кулацкой семьи Романовых, в 1915 году дочь Лиза родилась.

В село наведывались то красные, то белые. Мужики от греха подальше в лес ушли, «зелёными» себя называли. Белые, красные и зелёные требовали продовольствия, всем скрепя зубы

угождать приходилось: попробуй не дай. Но была у Михаила дальняя землянка, прикрытая хворостом, чтобы после этих набегов и семью прокормить мог. Деверь место подсказал, лесником в тех местах был. С сыновьями по ночам этот земляной амбар строили и – никому, даже жёнам (у баб язык длинный) не говорили, там деньги и золото, сохранённое после четырёх раскулачиваний, хранил, но даже и сыновьям не говорил о том, где их спрятал. Набеги на село продолжались с 18 по 22 год.

О приближении белых и красных сообщали жители села Клевакинского, где не одну бабу изнасиловали, а ту, которая вилами честь себя и мужа защищала, повесили после надругательства. Девочек и молодых баб в селе Карпушинском прятали в подполье. Однажды в доме Романовых, где в то время жили Мария с Лизой, несколько дней стояли белые, потом их вытеснили красные. Несколько недель Мария, молодая жена Якова, пряталась в подполье. Когда безопасно стало, вылезла оттуда голодная, замёрзшая и совсем больная, возили к фельдшеру. Тиф. Дни были сочтены. Яков вернулся весной 21 года, а летом схоронил свою лебёдушку. После смерти Марии решил, что надо жизнь продолжать по-новому.

Забрав с собой шестилетнюю Лизу, поехал в Петроград, решив устроиться там парикмахером и дочь воспитывать. Приехал и не узнал город. Это был неудачный период для города, расположенного удалённо от сельскохозяйственных районов. Разруха на путях сообщения привела к перебоям со снабжением. В парках, в скверах, на улицах выращивали картофель. Заводы остановились, трамваи не ходили, не работали водопровод и канализация, для отопления разбирали доски тротуаров и даже деревянные дома. У магазинов выстраивались очереди, была введена карточная система. Из-за голода жители, оставляя дома и квартиры, уезжали в сельские местности. К 1921-му году город опустел, в нем жили 722 тысячи человек – в 3 раза меньше, чем накануне революции. После жестокого подавления мартовского восстания моряков в Кронштадте прокатилась волна арестов. Ненадолго задержался здесь Яков, вернулся к отцу, своего дома после раскулачивания Романовых не было, поэтому поселился у Михаила.

Но не дело молодому одному век коротать, тогда и сошёлся с Любкой к недовольству своей семьей.

Однажды в вербное воскресенье Михаил Иванович после посещения церкви решил поговорить с сыном о жизни. Во дворе встретил простоволосую, хотя прохладно ещё было, Лизоньку, погладил по голове, протянул пряник. Она взглянула на деда карими Яшкиными глазками, взяла гостинец немытыми ручонками, вгрызлась в него зубами. Вошёл в избу и сразу огорошил сына вопросом:

– Чего не женишься? Полгода прошло после смерти Марии. Лизке мать нужна, а то она всё к Романовым бегаёт. Ей семья нужна, а не отец-кобель.

– Так на ком? Молодухи да вдовы с детьми.

– Ты уже нашёл одну такую молодуху.

– Не твоё, отец, дело. После войны имею право на личное. Не учи жить.

– А Лиза как? О ребёнке подумай. Мать ей нужна.

Михаил не просто так завёл разговор. Была у него на примете Павла Дьячкова. Старше Якова, правда, да кто годы считать будет, и ростом повыше, но ведь с сантиметром никто за ними бегать не будет. А из богатой семьи, тоже неоднократно раскулаченной к этому времени. Самый большой дом в селе был у Павлы Артемьевны, земли много, скотный двор, лошади. Семьи что Павлы, что мужа её погибшего Ивана пользовались в селе уважением за трудолюбие, хозяйственность и доброту.

Павла в девках в селе первой красавицей была, скромная и образованная, муж Иван, лет на 8 старше её, был командиром белогвардейского отряда, худощавый, с большими серыми глазами, по характеру взрывной, храбрый, весёлый. На войне побывал, оттуда белым и вернулся. Погиб в 19. Крепко рыдала на похоронах, когда привезли, беда не ходит одна. Вскоре и маленький сын утонул, когда коров доила, хозяйство было большим, сама всё тянула, батра-

ков нанимать запретила Власть Советов. Пусть и голодные, и полуодетые, но свободные, не батраки.

За мелким Васюткой соседские дети приглядывали. Вроде и речка Большая Грязнуха (так и село все местные называли) неглубока, но трёхлетке воды захлебнуться хватило. Осталась у Паши старшая дочь Наталья, большеглазая, кудрявая, очень тоненькая четырнадцатилетняя девчушка. Михаил знал, что воспитана Наталья так, как каждой бы девушке следовало: ответственная, образованная, скромная, по хозяйству помогает, по селу по ночам с парнями и девками не шастает. Помощница в хозяйстве будет, потом и замуж выдадим, и никаких «довесков» от Ивана. Павла – строгая, взрослая женщина и, по словам её родственника церковнослужителя, с которым только что ней разговаривал, религиозная; о Лизе позаботятся и воспитают достойно. Обо всём этом он и поговорит с Яковом, но не теперь, а, обдумав всё, после, и с бутылкой самогонки на Пасху. Думал старый, что если женит сына после смерти первой жены-красавицы, то и пить бросит Яшка, ведь не пил раньше.

Не стал Михаил тянуть быка за рога и разговор затеял, как и предполагал, в пасху. Яков противиться не стал. Он десятилетним парнишкой был, когда Иван с Пашей вышли из церкви. Она, красивая, высокая, была в белом платье, фате, с цветами в руках. Их обсыпали хлебным зерном, а потом и деньги кидали, он тоже схватил монетку. Потом на нескольких экипажах поехали кататься. Дети бежали следом. Свадьба была что надо. Павла и после похорон Ивана сохранила привлекательность, а сейчас Яша решил, что отец прав, и вскоре произошёл сговор. Но ещё до этого о предполагаемом сватовстве сообщила будущей невесте Таисия, жена Ивана, старшего брата Якова, получившая задание от мужа узнать, как Паша воспримет этот мезальянс.

Разговор с Тосей всколыхнул душу Павлы, для неё это была новая жизнь, полученная на четвёртом десятке. Проводив подругу, решила сходить в Спасо-Преображенскую церковь, построенную в 1907 году на радость всем сельчанам Карпухинского и Травянского приходов. Строили на радость, а сколько боли впитала в себя эта церковь. В 1917 в стране произошла революция. Не приняло Карпухинское и рядом находящееся село Травянское новую власть.

Спустя полгода в Травянском вспыхнуло восстание: местные жители арестовали председателя-большевика, членов совета и нескольких сельских коммунистов. Помогали им мужчины Большой Грязнухи, среди них был и Иван Дьячков. В Травянку приехал глава рабочей дружины Василий Головин с отрядом бойцов. Восстание было подавлено.

Иван вместе с мятежниками ушёл в лес. Сначала там и жили, изредка навещался по ночам домой, зацеловывал всю, обещал вернуться; она плакала, крестила его и не говорила даже родным о его приходах. Весной группа присоединилась к белогвардейскому отряду, который погнался летом того же года через Большую Грязнуху бойцов 1-го Крестьянского коммунистического полка из Катайска. В июле побывал дома, но недолго, напоследок Паша дала мамину иконку-заступницу, но не защитила она его от земной беды. В 1919 похоронила и отпевала в этой церкви своего любимого и будто сама умерла, ссутулилась, постарела, волосы седые появились, глаза перестали улыбаться, скорбные морщинки появились у красивых губ.

Но не только личные беды принимала в себя эта церковь. 1918 года в урочище Половинном был убит священник Александр Попов и еще восемь жителей Травянского, их отпевало духовенство Спасо-Преображенской церкви, скоро и эти служители культа погибли. В 1919 году прибыл новый священник Иван Пьянков. А через год его арестовали и осудили на три года лагерей.

Павла постояла у икон, помолилась за живых, поставила свечи погибшим и умершим. Батюшка Кузовников Африкан Александрович прибыл сюда недавно, но стал уважаемым на селе человеком. Решила с ним поговорить о предстоящем событии. Слова его запали в душу:

– Живым живое. Бог создал тебя, дочь моя, не для страданий, а для радости. Живите, детей рожайте. А они будут. Бог вас наградит.

Просветлённая и счастливая, решившаяся на брак, вышла она из церкви, будто словами батюшки Иван говори с ней. Как изболелась душа по всему утраченному.

А весна чувствовалась во всём: в зелёной дымке деревьев с зарождающимися листочками, в лучах солнца, купающихся в лужах никогда не отличавшегося чистотой села, в первых цветах мать-и-мачехи, верба обвораживала своими похожими на маленьких пушистых цыплят почками. Захотелось подойти к реке. Селезни выбирали себе подруг, громко кричали, суетились и строили гнёзда сороки.

После смерти Васютки обходила это место стороной, боясь воспоминаний. Даже стирала не у реки на мостках, как все бабы, а в бане или дома, летом ставила вёдра у колодца, вода нагревалась и стирала в принесённом из сарая корыте. Вдоль берега гуляли когда-то с Иваном, а потом играла с маленькой Наташей. Она родилась 12 августа 1908 года семимесячной, слабенькой. Повитуха говорила, чтобы не привыкали к ней, вряд ли выживет. Первые месяцы у сердца держала, не отпускала, носила всегда с собой в тёплой шали, часто давала грудь, и окрепла девчушка; по совету фельдшера, много гуляли, потом закалять стали; Иван плавать учил, часто играл с ней у реки. Выросла вся в него и лицом, и характером. А Вася на мать родился похожим, здоровым, крепким...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.